

2

Азартные игры

Родители Берни Экклстоуна никогда ничего не праздновали. На Рождество они не дарили подарков, не собирались за столом всей семьей, а Берта Экклстоун ни разу не устраивала торжества в день рождения сына. Все изменилось, когда семья переехала на юго-восток Лондона и ему исполнилось восемь. 28 октября 1938 года сестра матери тетя Мэй испекла торт, приготовила сэндвичи и позвала в гости соседей. Ошарашенный Бернад убежал и бродил по Дартфорду до темноты.

«Они из-за меня беспокоились», — понял он, когда все же вернулся домой.

За прошедшие с того момента 72 года азартные игры, сделки и схватки принесли ему не меньше 4 миллиардов фунтов, но Бернад Чарльз Экклстоун никогда не отмечал свои жизненные вехи и достижения.

Собираясь субботним утром за чашечкой кофе в «Фортнум-энд-Мэйсон» на Пиккадилли, его давнишние дартфордские друзья: букмекер, портной, тренер скаковых лошадей и девелопер (всем уже хорошо за семьдесят) — часто обсуждали, был ли их товарищ по-настоящему счастлив. Забыв про самолеты, роскошную яхту, особняки в Челси и по всей Европе и миллиарды в банке, они ловили хоть какие-то проявления чувств в колючем говорке своего приятеля, похожего на ежика с седой челкой и в темных очках. Все соглашались, что Берни не забыл свои корни — однако про счастье никогда не упоминал.

Он появился на свет 28 октября 1930 года в саффолкской деревушке Сент-Питер и привыкал к тяготам с самого рождения. Сидни Экклстоун, низенький и скромный двадцатисемилетний рыбак, ходил в Северное море за селедкой и макрелью на ветхом траулере «Элнет» из Лоустофта, зарабатывая сущие гроши. Домом заправляла его двадцатитрехлетняя жена Берта, которой помогала живущая по соседству мать Роуз Вестли. Супруга требовала, чтобы в день получки Сидни приносил ей все до последнего пенни. В «Хок-хаусе» — так назывался их дом — не было ни туалета, ни водопровода, зато в его прочных стенах царил строжайшая дисциплина в вопросах финансов, чистоплотности и морали. Для жителей деревушек в окрестностях Южного Элмхема, соединенных лишь узкими проселками, бегущими по пшеничным полям Саффолка, изоляция была в порядке вещей. Еще в 1928 году буря выбросила «Элнет» на берег, и больше ничего интересного не случилось до самого рождения Бернарда. С тех пор Сидни мечтал оставить тяжкое ремесло моряка.

На рубеже веков семья Сидни Экклстоуна уехала из Кента, надеясь найти работу в зарождающейся типографской индустрии Нориджа, однако Сидни, вечно начищавшему туфли до блеска, не доставало уверенности в себе, и квалифицированный труд ему не давался. В какой-то момент Берту вдруг обеспокоило здоровье сына, и Сидни даже перестал выходить в море, устроившись вместо этого на ферму. Бернарду было два года, когда матери показалось, будто у него что-то со зрением. С ребенком за спиной она проехала на велосипеде 20 миль до больницы в Норидже и выслушала страшный диагноз. Правый глаз сына почти не видит, и ничего с этим поделать нельзя.

Прошло три года. Запряженный лошадьми фургон молочника отвез его в соседнюю деревню Виссет, где располагалась начальная школа. Мать с бабушкой объясняли Бернарду, «что такое хорошо и что такое плохо», а вечерами он под их пристальными взглядами послушно трудился по дому и даже собирал лошадиный навоз для маминого сада. «Никогда не трать деньги понапрасну, — поучал его Сидни, — но покупай лучшее, что можешь себе позволить». Иных наставлений он от отца не слышал. Сейчас Экклстоун понимает:

семейной жизни у них тогда толком не было. Родители почти не разговаривали, если не считать ссор, которые начинала мать. В выходные они даже на ближайший пляж ни разу не ездили. Море Экклстоун видел всего два раза — его брали с собой заботливые соседи.

К середине 30-х годов Берта с мужем и матерью поняли, что в Сент-Питере у Бернарда нет будущего. Вода из колонки на заднем дворе, низкий уровень образования и здравоохранения, к тому же никаких надежд найти работу — не жизнь, а кошмар. В 1935 году сестра Берты Мэй вместе с мужем-рыботорговцем переехала в кентский городок Дартфорд, а вскоре за ними отправилась и мать. В 1938 году Берта, опять беременная, последовала их примеру. Семья сняла одноэтажный домик на улице Прайори-Клоуз, Сидни устроился крановщиком на машиностроительный завод, а Бернард пошел в начальную школу Вест-хилл в полумиле от дома. В том же году у Берты родился второй ребенок — дочь по имени Мэрион. В жизни брата она сколь-нибудь заметной роли не сыграла. Через год началась Вторая мировая война, и Экклстоунам пришлось пожалеть о переезде из спокойного Саффолка на берега Темзы, вдоль которой заходили на Лондон немецкие бомбардировщики.

— Сегодня будут бомбить, — объявил 3 сентября 1939 года Сидни.

На глазах у Берни родители заклеили окна полосками бумаги, чтобы не было осколков, и повесили светомаскировочные шторы. Ночью завывали сирены. Ложная тревога.

Невзирая на опасность, Берта наотрез отказалась отправить Бернарда в эвакуацию в глубь страны вместе с другими лондонскими детьми. Она не сомневалась, что ее семью отлично защитит хлипкое убежище Андерсона¹ в саду, — и это решение ключевым образом повлияло на жизненный путь и характер

---

¹ *Убежище Андерсона* — сборное бомбоубежище из гофрированных металлических листов, названное по имени министра внутренних дел сэра Джона Андерсона, по инициативе которого эта конструкция была разработана. Английские семьи накануне войны в массовом порядке снабжались такими бомбоубежищами бесплатно или за символическую плату. *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Бернарда. Любовь и личный пример матери лучше всяких лекций научили его быть хозяином собственной судьбы.

Родители почти не общались с сыном. Открытой эмоциональной привязанности в семье не наблюдалось. Никто не выражал чувств, не обсуждал их. Постоянная требовательность и поддержка матери воспитали в Бернарде честолюбие и самокритичность. А главное, сделав выбор, Берта никогда в нем не сомневалась. Самый очевидный пример — решение остаться в Дартфорде.

В мае 1940 года британская армия эвакуировалась из Дюнкерка, и Люфтваффе стали бомбить склады боеприпасов по соседству с домом Экклстоунов. Затем самолеты направлялись к лондонским докам, на которые из их садика открывался отличный вид через поля. Немецкие бомбардировщики летали над головами ежедневно, а район быстро окрестили «бомбовой аллеей». Каждую ночь Экклстоун смотрел из убежища на пылающий лондонский горизонт, а днем следил за воздушными дуэлями поднятых по тревоге с близлежащего аэродрома Биггин-Хилл «спитфайров» с самолетами Люфтваффе. Пока шла Битва за Англию, Экклстоун и его товарищи играли среди развалин (чаще всего в сгоревшем здании местной биржи труда), собирали патроны (и не только стреляные), швыряли друг в друга осколками и копались в мусорных кучах, оставшихся от разрушенных домов и контор.

Война пагубно сказалась на школьном образовании. Почти всех англичан призвали в армию, а их место заняли беженцы. В их классе в Вест-Хилл было тридцать человек, а преподавали поляки и бельгийцы. Среди поборников палочной дисциплины оказался чудесный учитель математики — в судьбе маленького, но крайне самоуверенного мальчугана он сыграл важную роль.

В дни нищеты, голода и продуктовых карточек у школьников было принято меняться. К «мене» Экклстоун проявил живейший интерес. Он начал с молока и печенья, которые выдавали в школе, а потом перешел на собственные игрушки. Он постоянно, на уровне инстинкта, стремился выгадать, заполучить игрушку по-

лучше. К удивлению друга детства Дэна Кокса, Экклстоун менял даже собственные подарки на день рождения.

— И что, твоя мама не против? — спросил Кокс.

— Не-а.

Берта позволила Банджи — так она звала сына — соорудить в дальнем конце сада, рядом с бомбоубежищем, деревянный навес. Там, в сырости, Экклстоун пропадавал часами: разбирал электромоторы, автомобильные двигатели и старые велосипеды. Под руководством Сидни, который тоже вечно копался в разных механизмах, он промывал подшипники, цепи и колеса, а потом собирал их и искал, что бы еще отремонтировать.

— Старайся обойтись тем, что есть, — поучала сына Берта.

В 1941 году Экклстоуну исполнилось одиннадцать. Он пошел в среднюю школу «Дартфорд-вест-сентрал», что повлекло за собой серьезные перемены. С финансами в семье было туго, и Бернارد, стремясь к независимости, успевал до уроков разнести утренние выпуски двух газет. Металлические набойки, поставленные по совету отца для пущей долговечности, загодя предупреждали соседей о его приближении.

Путь в школу пролегал мимо пекарни у железнодорожной станции. На вырученные за газеты деньги Бернارد покупал там печенье и булочки, а потом продавал их на перемене в школьном дворе с 25%-ной наценкой. «Мозгляк», как его неодобрительно прозвали, быстро понял, что его физическое и финансовое благополучие целиком зависит от изобретательности. «Бывало, у меня отнимали деньги», — признавался Экклстоун. Чтобы избавиться от хулиганов, он подружился с ребятами покрепче и платил им за защиту.

— Коротышкам приходится много драться, — ворчал он. — Малыши бьются за свою жизнь. Я понял, что драться стоит, когда есть неплохие шансы победить. Иначе — бежать.

Он мечтал купить велосипед.

— Я не стал просить у родителей, — объяснял он, — а хотел заработать сам. Тем более у них все равно не было денег. Когда

мне что-то требовалось, я из кожи вон лез, пока не добивался своего. Таким уж я рос независимым.

Следующим летом он, стремясь подзаработать на каникулах, устроился собирать овощи на одну кентскую ферму, а в 1942 году наконец купил велосипед. После уроков они с Доном Коксом носились по Херн-Хиллу, а на выходных ездили в Брайтон и обратно, накручивая за день около 70 миль. Заходя к Экклстоунам на чай, Кокс всегда поражался, как истово Берта поносит правительство.

— Твоя мама любит поговорить о политике, — заметил Кокс, отец которого в 1943 году подорвался вместе со своим тральщиком, после чего они с Бернардом сдружились еще крепче. — А твой папа никуда не денется, — вздыхал он, благодаря приятеля за сочувствие.

Сидни призыва избежал. «Отец не хочет воевать», — объяснял Экклстоун.

Вместо армии он пошел в службу гражданской обороны, Бернард же записался в «морские скауты», но вскоре бросил. «Слишком много дисциплины, — жаловался он. — Не нравятся мне все эти походы и ночные костры. Не вижу смысла».

В качестве компенсации тетя Мэй устроила племяннику с Коксом «лондонский сюрприз». Она привела их в «Хэмлиз» — магазин игрушек на Риджент-стрит — и сказала:

— Выбирайте что хотите.

Экклстоун, разумеется, выбрал красную гоночную машинку «Динки» — и эта металлическая моделька счастливо избежала обмена на школьном дворе.

Тем летом приятели ездили к волнолому. В XVIII веке там было убежище контрабандистов, теперь же по соседству располагался минометный полигон. Они построили плот из плавника и пустых бочек. «Мозгляк», конечно же, свалился в воду, а Кокс его вытащил.

Потом Экклстоун с Коксом несколько месяцев колесили по Бекслихиту, где располагались лагеря американских солдат, готовившихся к высадке в Европе. Мальчишки переговаривались с американцами через забор и отвозили их подружкам записки в обмен на жевательную резинку. Как-то раз Экклстоун быстро

сжевал свою и потребовал, чтобы Кокс поделился. Тот не раз менялся с приятелем комиксами и стеклянными шариками, но теперь отказал ему, лишний раз припомнив совет своей недоверчивой матери: «Ты не увлекайся сделками с Бернардом. Он всегда в выигрыше».

Летом 1944 года Экклстоун копал картошку, как вдруг услышал, что вой летящей в сторону Лондона «Фау-1» резко оборвался. Он поднял глаза — ракета падала прямо на поле. Бернارد рванул прочь со всей мочи и бросился на землю за миг до взрыва. Вернувшись, он собрал раскиданную картошку.

Одним субботним утром он снова чудом спасся. Тогда Кокс выскочил во двор и увидел, как «Фау-1» пронеслась над самой крышей, а через мгновение рухнула где-то возле дома Экклстоунов. Раздался взрыв, и Кокс побежал на Прайори-Клоуз. Оказалось, что ракета упала на соседний дом, где жил их друг. Мальчик спал на чердаке и теперь выбирался из-под развалин. Его мать погибла. Кокс не слышал, чтобы Экклстоуны радовались своему спасению.

Их семья благополучно пережила войну. Никто не пострадал, не погиб, а в доме, как упоминал Бернارد, «был полный буфет шоколада «Блэк мэджик», сахара и всяких продуктов, которых днем с огнем не достанешь». Его родители торговали на черном рынке. Готовясь к торжественному празднованию победы, местные власти украсили их улицу флагами и воздушными шарами, однако Экклстоуны не участвовали в общем веселье. Семья долго копила деньги и теперь переехала в дом побольше на соседней Марсет-роуд.

В 15 лет Экклстоуну пришла пора сдавать вступительные экзамены, и он провалился по всем предметам, кроме математики. Он никогда не хранил никаких документов со школьных времен, считая, что те годы потрачены впустую. Так или иначе, в 1946 году он был зачислен в Вулвичский политехнический университет, где изучал физику и химию. Занятия Бернарда не интересовали, а по утрам в воскресенье он покупал на рынке Петтикоут-Лейн авторучки, которые потом перепродавал другим студентам, а заодно искал себе дело поинтересней.

Его соученик Сирил Клисби участвовал в мотогонках на трассе Брандс-Хэтч к югу от Лондона и как-то субботним утром позвал Экклстоуна с собой. Состязания его заворожили. Бернард всю войну проездил с отцом в коляске — мотоциклы были у него в крови. Не имея прав, да еще и почти слепой на один глаз, он все равно ввязывался в импровизированные соревнования и носился по холмам и лесам Кента на «велосетте», заправленном спиртом (горючее тогда было по талонам), после чего перешел к более серьезным состязаниям на треке Брандс-Хэтч.

Его маленький рост служил поводом для постоянных насмешек, поэтому Бернард вырос яростным бойцом и не признавал мест, кроме первого. «Проиграл красиво — все равно проиграл», — скажет он потом. Победа любой ценой стала для него главной и, пожалуй, единственной радостью. Каждые выходные Сидни на новом фургоне возил сына с мотоциклом и снаряжением на соревнования в Брандс-Хэтч. После гонок Экклстоуны не сидели в пабе, а возвращались домой, и Бернард с матерью на кухне отдраивали мотоцикл до блеска.

В Страстную пятницу 1946 года он вышел на гонку без шлема, угодил в аварию и с сотрясением мозга оказался в больнице местечка Фокхем. Там, в травматологическом отделении, Бернарда осенило. Он понял, что учеба — пустая трата времени, и в 16 лет (в этом возрасте заканчивалось обязательное среднее образование) решил бросить университет. Сидни неохотно согласился, но при условии, что сын будет работать в лаборатории их добряка-соседа мистера Ричардсона — тот был химиком в газовой компании.

Экклстоуну платили за проверку чистоты газа пять фунтов в неделю, и никаких шансов продвинуться по службе у него не просматривалось. Наивный и необразованный, он мечтал разбогатеть, полагаясь лишь на собственный ум и упорство. В здании газовой компании Бернард устроил свою первую контору. Большую часть времени он искал в местных газетах объявления о продаже мотоциклов и запчастей к ним. В течение дня он по служебному телефону созванивался с продавцами и покупателями. Если Экклстоуна не было на месте, то к аппарату подходил

Ричардсон. После работы Бернард метался по юго-восточным районам Лондона, перегоняя мотоциклы клиентам. Если покупателей сразу не находилось, машины хранились под навесом в саду. Никто ему не помогал, бизнес финансировал сам себя.

В 1947 году в дверь Эклстоуна постучал Джек Сертис, чемпион Британии по мотогонкам еще довоенных времен, — он вместе с сыном Джоном пришел купить «эксельсиор-манксман» с двигателем в 250 кубиков. У знаменитого гонщика был свой авто- и мотомагазин в районе Форест-Хилл, и он с изумлением обнаружил, что Эклстоун чинит безукоризненно чистый «манкс-ман» прямо у себя на кухне. Джек Сертис договорился с юным продавцом о цене, заплатил наличными и погрузил «эксельсиор» в свой фургон.

Эклстоун нашел себе занятие. Торговля приносила ему больше денег, чем место в газовой компании, и Бернард пошел к Лесу Крокеру — владельцу мотомагазина «Харкорт» в Бекслихите, неподалеку от Дартфорда. К недоумению Сидни, сын отказался от теплого местечка и с головой окунулся в ежедневную работу у Крокера. Они вдвоем просматривали газетные объявления, после чего ехали в Лондон за покупками. В кузов фургона влезало пять мотоциклов, которые они потом ремонтировали и перепродавали. Крокера поразили не только манеры и деловая хватка Эклстоуна, но и его привычка постоянно мыть руки, поправлять галстук и следить, чтобы на выстроенных в безукоризненно ровную шеренгу мотоциклах не было ни пылинки. Даже ценники он всегда дотошно вешал на одно и то же место.

Джек Сертис одним из первых отметил, что с приходом Эклстоуна магазин Крокера похорошел. Как-то вечером он вернулся домой и сказал сыну:

— Этот Эклстоун дурит всем голову. Он скупает мотоциклы целыми магазинами. Продавец думает, что отлично заработал, а потом понимает, в чем хитрость. Отдавая все разом, он выручает куда меньше, чем мог бы.

У Эклстоуна был фирменный прием: он будто бы случайно заглядывал в торговый зал и с невозмутимым видом называл цену за все разом. Сумма поражала воображение владельца, который

и не догадывался, что его гость заранее изучил ассортимент и все подсчитал.

Через год Экклстоун понял, что с Крокером ему по-настоящему не развернуться. На другой стороне улицы находился «Комптон и Фуллер» — большой автоцентр, где торговали подержанными машинами. Экклстоун хотел снять у Фреда Комптона площадку перед зданием. Тот отказался, не желая загромождать свой автоцентр какими-то мотоциклами и вдобавок не очень доверяя Экклстоуну. Бернарду как раз исполнилось восемнадцать — пришли бумаги о призыве на воинскую службу.

— Мои дела шли неплохо, и я не видел в ней смысла, — скажет позднее Экклстоун.

С таким зрением в армии делать нечего, а услышав жалобу на «сильные боли в животе», медкомиссия признала его негодным.

— Решили, что я им не нужен, — объяснил он потом матери.

Он снова пошел к Фреду Комптону. Предложение хорошо одетого юноши в костюме и при галстукe оказалось слишком заманчивым. Вдобавок к арендной плате он обещал Комптону еще и процент с выручки. Экклстоун получил площадку у входа и обшарпанный кабинет.

— Переезжаю к Фреду, — без всякого сожаления сообщил он Крокеру, едва основав свое собственное дело, а про себя подумал: «Наверное, ждет, что я когда-нибудь выкуплю его магазин».

К концу года Комптон был приятно удивлен. Прибыль от мотоциклов Экклстоуна поддерживала его полумертвый автоцентр на плаву. Без лишних споров он разрешил юноше перебраться с улицы в зал. Уже через пару дней отведенный Бернарду угол был вымыт до блеска и регулярно пополнялся новыми мотоциклами, которые он оптом скупал у других торговцев. «Голова у него была как калькулятор», — отмечал Комптон, пораженный новой выдумкой Экклстоуна. Тот говорил клиентам:

— Зачем тест-драйв? Я даю личную гарантию на все мотоциклы.

Естественным образом такая система распространилась и на автобизнес самого Комптона.

В южной части Лондона гонщики, продавцы и все, кто интересовался автомобилями и мотоциклами, встречались в Брандс-Хэтч. Эклстоун подружился со своим будущим деловым партнером Роном Шоу, который тоже продавал мотоциклы, а также с торговцем из Пекхема Джимми Оливером.

— Я слышал, ты занимаешься автомобилями, — сказал Оливеру юнец в новеньком гоночном костюме. — У меня есть клиент, который хочет американскую машину. Найдешь?

— Приезжай, — отозвался тот.

На глазах у Оливера Бернارد выехал из шоу-рума на «хадсонстрейт-эйт» без всякой оплаты и письменных соглашений, с обычным условием отдать деньги или пригнать обратно машину. Он вернулся с деньгами.

После войны торговля подержанными машинами в Лондоне сосредоточилась в переулках к западу от Тотнем-Корт-роуд. И в снег, и в дождь ушлые спекулянты с заговорщицким видом слонялись по мрачным тротуарам Уоррен-стрит с карманами, полными денег и документов на припаркованные тут же машины. Все надеялись быстро обогатиться не самым благородным путем. Среди таких вот персонажей, у которых не поймешь, где афера, а где честный бизнес, Бернارد прошел настоящую школу жизни и сделал первый шаг к элите автобизнеса. В эпоху талонов на бензин, контрабандного спирта и унылой диктатуры социалистов на Уоррен-стрит уважали тех, кто был в плюсе.

Эклстоун, которого рекомендовал ветеран цеха Дерек Уилер, прогуливался по улице. Закоренелых преступников и угнанных машин он избегал, а покупал и продавал с абсолютным бесстрашием — и это на жестком рынке, где блеф в порядке вещей. В мире, построенном на лжи, он учился отличать плохое от хорошего и усвоил жизненно важную разницу между ценой и реальной стоимостью. Он взял за правило выяснять стоимость еще до переговоров, сразу понимая, какая образуется прибыль. Посмотрев, как ведут себя опытные дельцы, он довел до совершенства хитроумную тактику «я не торгуюсь», сразу лишая собеседника всех преимуществ. Основ-

ное правило — игнорировать вопрос «сколько дашь?» и добиться, чтобы другая сторона назвала цену. Главным было удачно выбрать время, никогда не давать слабину и ждать уступки противника.

Он строил из себя бесчувственного дельца с каменным сердцем. По природе Экклстоун был холоден как лед и добивался успеха, подавляя волю оппонента. «Без прибыли неинтересно» — таким было его кредо. За стремительность конкуренты прозвали Бернарда «Уиппетом»¹. Он обожал торговаться и играть с жертвой, избегая агрессии. Малейший намек на заинтересованность — и прибыль резко упадет. Обман прятался за ширмой безразличия. Все в этом гнусном мире строилось на доверии. Выписанные чеки никогда не предъявлялись в банк для оплаты, а итоговые расчеты шли наличными. Набитые банкнотами карманы прочно вошли в жизнь Экклстоуна. «Деньги молчат», — говаривали на Уоррен-стрит.

— Не отставай, Фред! — покрикивал он на Комптона, у которого была вся наличность.

Среди отбросов общества, с которыми судьба сводила Экклстоуна на изуродованных бомбежками улицах, были люди вроде скупщика угнанных машин Стэнли Сетти — чуть позже, в 1949 году, убийца сбросил его тело с самолета в Ла-Манш. Там же Экклстоун познакомился с Виктором Уайтом и Гарри О’Коннором, уже немолодыми дельцами из Блэкпула, не слишком способными, но надежными. Они открыли для него куда более рискованный и выгодный бизнес.

В манчестерском отеле «Мидланд» регулярно проходили ночные автоаукционы, куда съезжались бывшие торговцы лошадьми (теперь они переквалифицировались на автомобили).

— Чтобы обойти их, придется вставать рано, — предупреждал Экклстоуна О’Коннор.

Никто из случайных посетителей не знал, что аукционом заправляет дюжина нечистых на руку дельцов. Экклстоуна в их круг ввел О’Коннор, шепнув остальным, что его приятель из Лондона — «псих с отцовским наследством, которого легко облапошить».

¹ *Уиппет* — английская порода борзых собак, уступающая размерами обычной борзой (грейхаунду).

Машины там продавались не по одной, а партиями по три-четыре штуки. Непосвященным было невдомек, что в лоты включались «машины-призраки», которые в конце дня «выкупались» по цене ниже стартовой. Для успеха в этой дерзкой афере требовалось непроницаемое выражение лица, стальные нервы и любовь к азартным играм.

— Тебе дали на одну машину меньше, — шепнул как-то в конце сессии один наблюдательный торговец.

Экклстоун терпеть не мог, когда его ловили с поличным: тем самым он демонстрировал слабость. Чтобы выжить, нельзя проявлять жалости — даже к себе.

Разрываясь между Бекслихитом, Уоррен-стрит и Манчестером, Экклстоун за несколько месяцев вырос в торговца экстра-класса. Элегантно одетый и энергичный, он приобрел репутацию дельца, который печется о своих растущих доходах, и славу хищника, с которым лучше не связываться.

— Настоящий король в нашем деле, — сказал о нем как-то Джимми Оливеру один из торговцев с Уоррен-стрит.

Экклстоун оттачивал свое мастерство. Каждая сделка приносила прибыль, но он никогда не показывал вида.

— Не хочу прослыть ловкачом, — объяснял он. — Тогда они станут осторожнее и я потеряю преимущество. Люблю покупать у того, кто считает себя умным, и продавать тому, кто еще глупее. Обычно если клиент доволен, то и я доволен, а значит, сделка взаимовыгодная. Но вообще, если меня все устраивает, то плевать, что думают другие.

Мало кому удавалось переиграть Экклстоуна. Он отдыхал за просмотром черно-белых голливудских вестернов, где шерифы гонялись за преступниками, и жил под девизом «Я жив, пока стреляю первым». Он всегда «выкладывался на полную» и заслужил славу «пробивного».

Бернарда окружали люди либо уклонявшиеся от службы, либо не воевавшие по молодости. Тоскливому аскетизму послевоенного времени они противопоставляли убийственное безрассудство.

Рискуя жизнью во время гонок, Экклстоун рвался вдохнуть опасности полной грудью. Кульминация его карьеры наступила в 1950 году, когда он гонялся на «мэнкс-нортоне» по свежеуложенному асфальту Брандс-Хэтч с пятнадцатилетним Джоном Сертисом, чья спортивная карьера еще только начиналась. В 1956-м Джон выиграет первое из семи мировых первенств по мотогонкам, а в 1964-м — завоеует титул чемпиона «Формулы-1». В той гонке Сертис опередил Экклстоуна, который вскоре решил «перейти на новый уровень».

Сотрудничество с Комптоном уже не было взаимовыгодным. Пока Экклстоун развивал бизнес, Комптон играл в гольф.

— Так лучше для дела, — говорил Бернارد. — Никаких споров.

Амбиции Экклстоуна играли Комптону на руку, однако молодой партнер жаждал признания. В конце 1951 года Экклстоун выкупил долю Дерека Фуллера и, став полноправным партнером, реконструировал шоу-рум, который теперь назывался «Комптон и Экклстоун». Тогда же он приобрел заброшенное промышленное здание в Гринвиче (это была его первая операция с недвижимостью) и вступил в кентскую масонскую ложу «Идеал эндевор». Наконец, последним шагом на «новый уровень» стал переход от мотогонок к автогонкам.

Итальянские, немецкие и французские производители вернулись к конструированию стремительных болидов. В Англии энтузиасты переделали бетонную взлетно-посадочную полосу военной авиабазы «Сильверстоун» в гоночную трассу. В мае 1950 года европейские команды были приглашены на первый Гран-при Великобритании, который почтили присутствием король Георг IV с королевой, а также сто тысяч зрителей. Победила «Альфа-ромео».

Сгорая от желания поучаствовать, Экклстоун убедил Комптона, что гонки «Формулы-3» послужат рекламой их компании, и направился на завод «Купер» в Сурбитоне — настоящую Мекку начинающих гонщиков. Там, на глазах у энтузиастов, Чарльз и Джон Куперы ставили полулитровые мотоциклетные двигатели на металлическое шасси, а послевоенные проблемы с запчастями

решали благодаря собственному производству. Экклстоун заказал Куперам болид голубого цвета с двигателем от «Нортон». В 1951 году он появился в Сильверстоуне за рулем американского «форда» с болидом на прицепе — в новом кожаном комбинезоне, набриолиненные волосы зачесаны назад и подчеркивают тонкие черты лица. Следом, в фургоне с названием фирмы, ехал Комптон.

— Подавшись в гонки, — признавал потом Комптон, — мы хотели заявить о себе. И это сработало. В Южной Англии нас каждый знал. Организованно и профессионально — у Бернарда ко всему такой подход.

Он оказался в одной компании со Стирлингом Моссом, Майком Хоторном, легендарным Хуаном Фанхио и другими сорвиголовами, уже разыгравшими первый мировой чемпионат. Экклстоун с его всегдашней бесшабашностью даже сумел выиграть пару предварительных заездов, однако одолеть Стирлинга Мосса не смог. За все приходится платить.

8 апреля 1951 года Экклстоун на «Купере МК5/JAP» выиграл Молодежный чемпионат Брандс-Хэтч, показав скорость 62,03 мили в час. В том же году он пришел первым в своем предварительном заезде «Брандс оупен челлендж финал». В финальной гонке одного из трех его соперников вдруг развернуло. Экклстоун резко ушел вправо, а затем, по словам корреспондента местной газеты, «его “купер” перескочил через заградительный барьер и упал на припаркованный за ним “райли” одного из зрителей, который в результате этого происшествия сломал ногу». Пострадало еще несколько человек, однако, как писала та же газета, «гонка остановлена не была, а механики и любезные сотрудники “Скорой помощи Святого Иоанна” ликвидировали последствия аварии».

Экклстоун чувствовал себя богачом. Пять лет назад он бросил школу — и вот теперь, с полными карманами денег, разъезжал по Бекслихиту на дорогом спортивном «остин-хили». Всегда хорошо одетый и уважаемый в среде таких же дельцов, он заслужил репутацию «храбрейшего человека в автобизнесе». Ему захотелось независимости.

Чтобы переехать от родителей, нужно было жениться. Живший неподалеку приятель познакомил его с Айви Бамфорд — милой брюнеткой на два года старше Бернарда. Айви, дочь плотника, не интересовалась автоспортом и работала на местной телефонной станции — она каждый день соединяла абонентов, втыкая телефонный шнур в нужное гнездо. У них было мало общего, однако Экклстоун все еще оставался девственником и мечтал обзавестись своим жильем. Кроме того, он надеялся, что после свадьбы их с Айви ссоры прекратятся. Девушке же не было резона отказываться от материальных благ. За тысячу фунтов Экклстоун купил у Фреда Комптона таунхаус постройки 30-х годов с четырьмя спальнями на улице Пикфорд-Клоуз в Бекслихите.

Церемония была назначена на 5 сентября 1952 года в Дартфордском бюро регистрации. За несколько дней до бракосочетания Экклстоун вдруг охватила нерешительность.

— Давай отложим. Лучше в другой раз, — сказал он.

Айви была непреклонна. Отмахнувшись от его тревог, она явилась на церемонию с матерью и теткой, причем все трое плакали.

— Ты уверена, что хочешь замуж? — спросил он. — Это обязательно.

Экклстоун ждал ее вместе с Фредом Комптоном и его женой Джин, которые согласились быть свидетелями. Позднее он утверждал, что родителей на бракосочетании не было («Я им не сказал»). На самом деле они все же пришли и отметили, с каким раздражением Бернард отреагировал на то, что церемонию проводит женщина. Когда с формальностями было покончено, Экклстоун направился к выходу. Секретарь окликнула его на полпути:

— Мистер Экклстоун, вы кое-что забыли.

— Что?

— Свою невесту.

Не было ни фотографа, который запечатлел бы торжественный момент, ни угощения после церемонии. Экклстоуны не праздновали даже свадьбы.

Айви Экклстоун и не подозревала, что вояжи в Брандс-Хэтч становятся все опасней и опасней. Бернард плохо видел и не обладал мастерством Стирлинга Мосса, чтобы уверенно мчаться по наспех проложенным виражам. Наконец произошло неизбежное. В 1953 году он столкнулся с машиной собственного друга Билла Уайтхауса и, пробив заграждение, улетел к зрителям. Первым к искореженному болиду подбежал сам Уайтхаус. Ошарашенный Бернард лежал лицом на руле.

— Ты как, Бернард? — прокричал Уайтхаус.

Экклстоун в ответ что-то пробормотал.

— Отлично. Только не шевелись, а то в клочья разорвут. Ты задавил кого-то из зрителей.

Экклстоун замер, не сразу поняв, что его разыгрывают, хотя сам устраивал похожие шутки неоднократно.

Позже, разглядывая потолок больничной палаты, он размышлял, как быть дальше. Он наслаждался жизнью, делал неплохие деньги и за прошедшие годы «оказывался в больнице раза четыре или пять, но ничего не ломал, и даже крови ни разу не было». Гарри Эппс торговал «фордами» — недавно после аварии ему ампутировали часть руки. Пилоты вообще гибли не так уж редко. «Я понял, что не хочу сломать позвоночник и всю жизнь разглядывать потолок, поэтому решил посвятить себя бизнесу».

Он вернулся к делам, но оставался один должок... Возможность отплатить представилась Бернарду, когда он, разогнавшись на своем серебристом спортивном «мерседесе», врезался в автобус на одной из улиц Бекслихита. Экклстоун поранил руку, однако виноватым себя не признал и объяснил зевакам:

— Это машина Билла Уайтхауса. Он сбежал.

Уайтхаус, у которого была точно такая же машина, вскоре услышал об аварии. Он бросился к гаражу, распахнул дверь... Все сразу встало на свои места.

Риск подпитывал жажду больших денег. Экклстоун обожал азартные игры. По вечерам у друзей он часто играл на деньги в рулетку, джин-рамми и «Монополию». Случались игры и по-

крупнее. От торговцев с Уоррен-стрит он узнал о «Крокфордс» — так называлось одно из немногочисленных лондонских казино. Никакого членства в те времена не требовалось. Бернард заказал столик на вечернее представление и вдвоем с женой: он — в смокинге, а Айви — в дорогом коктейльном платье — поехал из Бекслихита в Мейфэр. Роскошь их просто поразила. Изысканное шоу и ужин казались откровением для людей, еще не отвыкших от продуктовых карточек и ночных налетов.

— Настоящий шик, — сказал жене Экклстоун.

Однако сильнее всего гостей манили обтянутые сукном столы, за которыми играли в шмен-де-фер¹, блэкджек и рулетку. До сих пор Экклстоун делал крупные ставки лишь на скачках и собачьих бегах через своего друга — букмекера Тони Морриса. «Крокфордс» оказался классом выше не только в смысле обстановки, но и с точки зрения размера ставок. Азартные игры не были для Экклстоуна болезненным пристрастием. Он обожал их потому, что риск, удача и хладнокровная оценка вероятностей идеально вписывались в его жизненную философию. По его мнению, любой из нас не застрахован от собственных ошибок и их последствий, а значит, должен за себя отвечать. К аутсайдерам Бернард относился с убийственным безразличием.

— Я игрок, — говорил Экклстоун, — а игрок доказывает своей игрой, что он прав.

Игра для него была как торговля автомобилями. Сам Экклстоун объяснял:

— Я в уме вычислял стоимость всех машин на площадке — без всяких заметок на салфетках. В «Крокфордс» я точно так же подсчитывал вероятности. Никакой системы. Хотел бы я быть дилером, когда кто-то за столом играет по собственной системе. Я понял, что лучше всего искать игроков, которым не везет. Люблю играть против невезучих.

¹ Шмен-де-фер (от фр. *chemin de fer* — «железная коробка для карт», позднее — «железная дорога») — популярная в европейских казино карточная игра, разновидность баккара.

Вращаясь в этих кругах, Экклстоун обретал все больший вкус к деньгам, которые позволили бы забыть о нищете детских лет. Как-то раз, в 1954-м, Джимми Оливер пригласил его пообедать в яхт-клубе Пула, на побережье Дорсета. Экклстоун заметил среди гостей сэра Бернарда Докера с женой — чету миллионеров, живших на широкую ногу.

— Похоже, с жалкой сотней тысяч здесь только за нищего сойдешь, — заметил он с легкой завистью.

В том же году он оставил свой таунхаус родителям, а сам купил отдельный дом на соседней Дэнсон-роуд. Едва рабочие полностью переделали здание по его тщательно проработанному проекту, Экклстоун уже начал искать следующее жилище. С недвижимостью он поступал как с машинами и никогда не стремился к постоянству.

В сентябре у него родилась дочь Дебора Энн. Восторженный папаша постоянно приносил домой детские вещи и игрушки, пытаясь заменить чувства подарками, однако счастливой семейной жизни не получалось. Когда что-то пачкалось, ломалось или лежало не на месте, он устраивал скандал. Дотошный на работе, он оставался таким же и дома. Айви не нравилось, что он поздно приходит, а ему — что она не интересуется его делами. Потом его вывело из себя ее требование не работать в Рождество и даже — неслыханное дело — устроить праздник. Тем не менее пришлось все же пригласить родителей, приготовить индейку и дарить подарки. Впрочем, Экклстоуну нравилось, что родители часто забирают Дебби на ночь — тогда он, несмотря на протесты Айви, отправлялся в кино или в «Крокфордс». Жена стала его невольным пассажиром в гонке за миллионами.

Первым препятствием — и первой же жертвой — стал Фред Комптон. Они все чаще ссорились.

— Я не мог примириться с тем, как Экклстоун ведет дела, — признавался Комптон. — В итоге я вообще не работал. Это не его вина — просто от меня уже не было никакой пользы.

Желая избавиться от партнера, Экклстоун завел разговор с нарочитой небрежностью.

— Либо я выкуплю твою долю, либо ты — мою, — сказал он. — Решай сам.

Комптон тоже торговал подержанными машинами, однако Бернард застал его врасплох, предложив:

— Просто напиши свою цену.

Проницательный Экклстоун угадал ход мыслей компаньона: тот не поверит, что его партнер готов заплатить много.

Как и предполагалось, Комптон запросил меньше, чем хотел бы выручить, однако больше, чем, по его расчетам, готов был выложить Бернард. Тот же, к удивлению Комптона, согласился и сразу повел его к ближайшему нотариусу оформлять сделку.

— Такова цена свободы, — сказал Экклстоун, прощаясь с Комптоном.

Став единоличным владельцем компании, Бернард повел дела более агрессивно. Он выкупил у Рона Фроста автоцентр «Барнхерст» в Бекслихите и приобрел опцион на покупку комплекса «Струд мотор компани» в графстве Кент, который затем выгодно перепродал. Даже Комптон отдавал ему должное: «Превосходный автокомплекс в отличном месте. Правда, проверить все было непросто».

Вместе с Роном Шоу он пытался за 46 тысяч фунтов купить Брандс-Хэтч, но в последний момент их обманули. В 1956 году Экклстоун продал свой дом, автомобиль, несколько соседних земельных участков под застройку и перебрался в Барн-коттедж — особняк с пятью спальнями на Парквуд-роуд в районе Бексли. Как и раньше, всей семье пришлось жить в доме, где еще всюду трудились рабочие. Экклстоун раскошелился не потому, что «новый дом лучше», а потому, что «стоит недорого и вложение выгодное». Элегантный делец, выгуливающий по улицам Бекслихита своего бульдога, никогда не упускал хорошей сделки.

— Торговля — это состояние души. Люди обычно покупают то, что им не нужно, так что приходится убеждать продавца, что ты и правда готов купить. Мне не нравится манера арабов просить сто, рассчитывая получить шестьдесят. Людей нельзя оскорблять. Все имеет цену, только точной цены никто не знает. Для разных

людей одно и то же имеет разную стоимость. Я ее прикидываю и потом назначаю цену. Когда покупаю, я всегда прошу владельца назвать сумму. «Это же твоя вещь, а не моя», — говорю я. Если предлагать цену наугад, обязательно переплатишь.

В компании конкурентов по автобизнесу в Бекслихите, собиравшейся в местных пабах и Брандс-Хэтч, был Льюис Эванс по кличке Поп, а у него — сын Стюарт Льюис-Эванс, молодой человек одного роста и возраста с Экклстоуном. В начале 50-х он как-то обогнал Экклстоуна в гонке на «куперах», а к 1957 году дорос до «Формулы-1» и в составе команды «Коннот» сражался в Монако со знаменитым Фанхио. Воодушевленный успехом друга, Экклстоун предложил тому вести его коммерческие дела. Когда в этом же году Льюис-Эванс опередил в Гудвуде Стирлинга Мосса, Экклстоун договорился с Тони Вандервеллом, что вместо ненадежного «коннота» тот будет пилотировать болид его команды «Вэнуолл» и станет напарником Мосса. Вандервелл также разрешил Экклстоуну вести с автодромами переговоры о гонораре за выступления Льюис-Эванса.

Автогоночный бизнес оставался уделом богатых энтузиастов, дельцов да мелкой аристократии и с финансовой точки зрения был организован примитивно. Каждый гонщик и команда по отдельности договаривались с владельцами автодрома о гонораре и размере призовых. Организаторы гонок стремились привлечь зрителей и поэтому платили «Феррари» и Фанхио больше, чем неизвестным пилотам на заурядных машинах. Промоутеры справедливо полагали, что пилотам и владельцам команд попроще нужны не деньги, а атмосфера постоянного риска и натянутые как струна нервы. В этом сумасшедшем мире машины то и дело сталкивались и вспыхивали, а в спортивных журналах некрологи еженедельно соседствовали с леденящими кровь отчетами о боях четырехколесных гладиаторов. В 1958 году команда «Коннот» обанкротилась, и влюбленный в гонки Экклстоун ухватился за возможность оказаться среди избранных.

Когда было объявлено о продаже трех болидов «Коннот» вместе с запчастями с аукциона, Экклстоун был в отъезде и велел кому-то из сотрудников шоу-рума в Бекслихите их купить.

— За какую цену? — спросил тот.

— Неважно, — ответил Экклстоун. — Просто походи и купи.

Три древних болида стали его пропуском в элитный клуб. Ностальгия тут была ни при чем. Он рассчитывал извлечь прибыль из ожидаемой победы двух «коннотов» в Гран-при Новой Зеландии и убедил Стюарта Льюис-Френсиса и Роя Сальвадори отправиться на другой конец света. Машины после гонки велено было продать.

Впрочем, после провального выступления покупатели не спешили раскошелиться. Сальвадори сообщил по телефону, что за оба «коннота» можно выручить разве что альбом для марок. Экклстоун наорал на гонщика и отменил сделку. Машины переправили в Европу как раз к началу Гран-при Монако.

Атмосфера опьянила прибывшего на место событий Экклстоуна. В отличие от других трасс, эта незабываемая гонка проходила прямо на улицах, под окнами княжеского дворца и вдоль набережной, где швартовались яхты миллионеров. Недовольный наемным пилотом, Бернارد прогнал беднягу и сам сел за руль. В гонке участвовало еще тридцать машин, и он не сумел пройти квалификацию, удостоившись от прессы отзыва: «Это несерьезно». Вдобавок в казино ему тоже не повезло.

После поражений Экклстоун редко падал духом. В минуты обиды и отчаянья его утешала спасительная мысль: бизнес развивается. Он путешествовал по стране, раз за разом обходя конкурентов. Коллеги говорили, что юноша «великолепен, а в финансах и организационных вопросах — настоящий гений». Бесстрастное лицо скрывало холодный рассудок. Как правило, он покупал лучшие машины с большим пробегом, причем продавец и не догадывался об их потенциальной прибыльности. Разумеется, в дело шли разные хитрости. «Скрученный» пробег и всякие махинации с одомером были в порядке вещей. До наступления электронной эры одомер представлял собой набор колесиков с цифрами. Чтобы продать автомобиль подороже, эти колесики прокручивались в обратном направлении, снижая пробег. Некто Джон Янг, владевший в Южном Лондоне крупным бизнесом по продаже «мерседесов» и «ягуаров»,

относился с особым подозрением именно к «Бернарду», который, по его словам, «скрупулезно скручивал одометры». Клиент, как правило, ни о чем не догадывался, однако по одной из жалоб было все же начато расследование.

— У меня все машины «скрученные», — с сарказмом заявил инспектору Экклстоун, а потом на полном серьезе прибавил: — Накажите меня — и куча людей лишится рабочих мест.

Попав в «переделку», нужно было с улыбкой заговорить властям зубы. Экклстоун в итоге сумел убедить суд, что во всех махинациях с одометром виноват другой продавец, которому машину давали на время.

Размах его операций в Бекслихите все рос и рос. В 1956 году он купил «Хиллс-гэридж», торговавший «мерседесами», а еще через два года объединил свою фирму с крупнейшей в районе компанией «Джеймс Спенсер лимитед», у которой была лицензия на торговлю новыми «моррисами», «остинами», «эм-джи» и «вулсли». Экклстоун словно денежный станок купил. Спрос на новые машины был колоссальный, особенно у среднего класса в пригородах. Со времен войны люди, спасаясь от сумасшедшего налога на прибыль, скопили огромные суммы наличных и теперь стремились их потратить. Продавцы автомобилей столкнулись с проблемой: заводы выпускали недостаточно новых машин. Чтобы бороться с дефицитом и конкурентами, приходилось давать взятки сотрудникам отделов продаж этих заводов. Экклстоун был прозорливее всех и очень этим гордился. Тем, кому новая машина была не по карману, он предлагал отличные подержанные автомобили, ремонтом которых занималось шестеро механиков в мастерской на задах. Планируя расширить свой бизнес, он разработал план по превращению предприятия Джеймса Спенсера в ультрасовременный шоу-рум.

Реконструкция была в самом разгаре, а Экклстоун с Льюис-Эвансом в октябре 1958 года улетели в Касабланку, чтобы участвовать в Гран-при Марокко. Молодой гонщик на «вэнуолле» сражался с двумя английскими звездами: Стирлингом Моссом и Майком Хоторном. Экклстоун стоял на пит-лейн чуть в стороне от пыльной

трассы, держа в обеих руках по секундомеру, и следил за темпом своего друга. Гонка перевалила экватор, как вдруг в дальней части трассы что-то вспыхнуло и в небо поднялся столб дыма. Экклстоун помчался туда и обнаружил, что у Льюис-Эванса сгорел мотор, он потерял управление и вылетел с трассы. Пилота, у которого было обожжено 70% поверхности тела, отвезли в местную больницу. Сидя возле укутанного одеялом друга в бесконечном ожидании доктора, Экклстоун очень переживал. Чтобы избавить Стюарта от боли и неминуемой смерти от рук местных эскулапов, Тони Вандервелл зафрахтовал самолет, и они вернулись в Англию. Через шесть дней после аварии друг умер прямо на руках у Экклстоуна. Авторы некрологов не стали упоминать о риске и призывать к осторожности — все как один превозносили «маленького гонщика с большим сердцем», пополнившего длинный список жертв «Формулы-1». Через несколько дней Экклстоуну исполнилось 28 лет. Он сильно переживал мучительную смерть друга и охладел к автогонкам. «Конноты» были проданы, Экклстоун ушел из автоспорта. Все свое время он посвящал торговле машинами и недвижимостью, становясь все богаче и богаче.

Шоу-рум Джеймса Спенсера на Бекслихит-бродвей был превращен в автоцентр будущего. К оформлению Экклстоун относился очень придирчиво и в этот раз до бесконечности вникал во все мелочи. Только-только закончилась эпоха сурового аскетизма, так что стеклянный фасад и ослепительно белые стены шоу-рума являли собой невиданное зрелище. Экклстоун распорядился выставить подсвеченные автомобили ровной шеренгой на белых плитках, а пол вокруг них застелить толстыми коврами. Раздвижные двери в дальней стене вели в зал с подержанными машинами для настоящих ценителей: «роллс-ройсами», «мазерати» и «ягуарами». Гости попадали туда только по личному приглашению Экклстоуна.

— Терпеть не могу, когда там шастают посетители, — говорил он одному из продавцов. — Они как крысы. Вечно все испачкают.

Стены в кабинете Экклстоуна были прозрачные, к нему вела причудливая винтовая лестница, а в нишах у ее подножия стояли диваны. На рабочем столе красовались три телефона: желтый, красный и кремовый. Он постоянно поправлял провода и стопки документов, после чего подходил к столу своей секретарши Энн Джонс и, словно заботливая наседка, смахивал с него пылинки и аккуратно раскладывал бумаги. «Все мы под крылом у папочки», — думала Джонс. Но шаткий мир вскоре дал трещину.

— Я вам секретарша, а не уборщица, — рывкнула она, когда Экклстоун стал возмущаться беспорядком на ее рабочем месте. Однако тот был непоколебим.

Он был настоящий человек-оркестр, вникал во все детали и требовал беспрекословного подчинения. Нелегко было терпеть, когда он взрывался проклятиями в адрес не сдержавших своего слова поставщиков или вдруг бросал трубку. Примитивная телефонная связь выводила его из себя, и Экклстоун в гневе швырял аппараты в стену или на пол. Секретаршам в соседней комнате приходилось уворачиваться от обломков пластмассы, делая вид, что ничего не случилось. Мастера из телефонной компании то и дело заменяли разбитые аппараты, а верная Энн Джонс каждый раз прибиралась за боссом, которым искренне восхищалась. Когда очередная секретарша не выдерживала его грубой брани и уходила в слезах, Энн невозмутимо звонила в кадровое агентство, чтобы прислали новую.

Атмосфера постоянного напряжения сильнее всех сказывалась на менеджере Сидни Экклстоуне. С утра он приходил первым и узнавал о появлении сына по череде телефонных звонков: «Идет». По вечерам Сидни закрывал помещение и уходил последним. Днем он работал с клиентами и подвергался постоянным нападкам Бернарда: «Как можно было его упустить! Он бы купил». Чтобы успокоиться, Сидни выходил на улицу и полировал выставленные там машины. Кое-кто из посетителей, считавшихся близкими друзьями Экклстоуна, — например, Рон Шоу — полагал, что стороннему наблюдателю отношения между сыном и отцом

показались бы натянутыми. У Бернарда с Сидни было на первый взгляд мало общего, однако Эклстоун думал иначе.

— Я не терроризировал отца, — оправдывался он. — Я просто высказывал свое мнение.

В конце концов они выработали такую систему: Сидни приветствовал посетителей и знаком показывал сыну, что наклеивается сделка, а тот в нужный момент спускался из кабинета. Сидни с открытым ртом следил, как Бернард продает дорогой «эм-джи» человеку, заглянувшему посмотреть простенький «моррис». Он втайне гордился успехами сына, был благодарен ему за достойную работу и, как это принято только у англичан, совершенно не выказывал отеческой любви. Всякий раз, когда Энн Джонс в истерике убегала с работы, именно Сидни отправлялся к ней домой с подарком: букетом цветов, коробкой шоколада или даже платком, который лично вышила мать Эклстоуна, — и уговаривал Джонс вернуться. Все повторялось снова и снова, преданность сотрудников подвергалась постоянным испытаниям. Увидев однажды, что Джонс прислали букет цветов с карточкой «От тайного дыхателя», Эклстоун едко заметил, что букет, «вероятно, от конкурента, мечтающего выведать наши секреты».

Жесткий контроль за подчиненными, расходами и внешним видом торгового зала составлял основу деловой философии Эклстоуна. К 1960 году, началу «разгульных шестидесятых», все складывалось как нельзя лучше. Белоснежный шоу-рум Спенсера был великолепен, машины так и сверкали — особенно новые спортивные «эм-джи», — а жители пригородов начали покупать автомобили для жен и детей. Поддерживая бешеный спрос, находившиеся у власти консерваторы ввели рассрочку, и теперь Эклстоун мог одалживать своим клиентам деньги на покупку. Чтобы зарабатывать на кредитных операциях, в марте 1961 года он основал компанию «Арвин секьюритиз» и стал неплохо наживаться на процентах по ссудам. В графстве Кент, в отличие от других областей Великобритании, средний класс исправно вносил ежемесячные платежи. Тех, у кого все же возникали недо-

имки, навещал массивный сборщик долгов Рон Смит на зеленом «Триумфе-TR3». В самом худшем случае он просто забирал машину. «Проблем у нас почти не было», — признавался Экклстоун.

Блеск блеском, но дух Уоррен-стрит и не думал уходить. Время от времени клиенты замечали, что в торговом зале ошиваются крепко сложенные парни — например, ист-эндский уголовник Джек Кромер по кличке Спот. Экклстоун нередко имел дело с криминалом. Однажды к нему пришел известный гангстер, которому нужно было продать машину, и Бернард выдал ему чек на оговоренную сумму. Вечером Энн Джонс обнаружила, что машина куплена в рассрочку и теперь разыскивается, поскольку за нее выплачена не вся сумма.

— Отзови чек, — распорядился Экклстоун.

Через пару дней бандит явился снова.

— Чек отозван! — прорычал он и вытащил револьвер: — Плати, или пристрелю.

— Если выстрелишь, то ничего не получишь, — рявкнул Экклстоун в ответ, и они оба вдруг расхохотались. — Сделаем так, — сказал он, — я заплачу за машину, а остаток отдам тебе наличными.

— Идет, — отозвался гангстер, все еще сжимая в руке револьвер.

Экклстоун отсчитал деньги. К его изумлению, через пару недель гангстер пришел снова и купил новенький «Остин-А40».

— Чудо, а не человек, — усмехнулся Экклстоун, попрощавшись с клиентом.

Тот же, едва выехав на ярко-красном автомобиле из шоу-рума, остановился у светофора. Загорелся зеленый, но гангстер не сразу разобрался с переключением передач, и сзади ему бибили. Тогда он вышел из машины, вынул из багажника монтировку, швырнул шумного водителя на дорогу и одним ударом раскроил ему череп. Когда его привезли в полицейский участок Бексли, бандит достал из кармана револьвер и вышел вон со словами: «Не люблю, когда меня арестовывают». Позднее его казнили за убийство.

В кругу автоторговцев Южного Лондона поговаривали, что Экклстоун ведет дела с преступниками. За обедами в пабе «Джордж» Билл Уайтхаус и его подчиненные из компании «Вестмаунт» обращались к Экклстоуну со сдержанным уважением. Один из работников Уайтхауса по имени Питер Рикс как-то спросил его за кружкой пива:

— У тебя найдется хороший подержанный «эм-джи»?

— Да, — ответил Экклстоун. — Ярко-красный.

— А печка там есть? — спросил Рикс, поскольку печка в машину ставилась отдельно.

— Есть.

Рикс заплатил за машину, а когда ее пригнали, обнаружил, что печки нет. Он позвонил Экклстоуну и стал возмущаться.

— Ты меня что, лжецом называешь? — прошипел Экклстоун. — Поосторожней, парень, а то можно и без пальцев остаться.

Рикс извинился. «Я понял, — говорил он позднее, — что Бернаруду лучше не перечить. Он меня надул и ничуть не переживал».

Многие восхищались бесстрашием Экклстоуна. Он носился по Бекслихиту и всему Лондону на скромном новеньком «мини» и снова заинтересовался автоспортом. Ничего не опасаясь, он на американской машине участвовал в гонках серийных моделей в Вест Хэме и Эссексе, заслужив прозвище «аккуратист Экклстоун», поскольку принципиально не толкался на трассе с соперниками. «Ненавижу, когда мне машину портят», — ворчал он.

Окончив курсы пилотов в Биггин-Хилл, он часто летал над Кентом за штурвалом собственного четырехместного «бигля». «Вообще ничего не вижу», — признался он, когда не сумел сдать экзамен. Не желая мириться с поражением, он подумывал получить сертификат в Америке, но, вспомнив о трансатлантических перелетах, решил отказаться от этой затеи. В качестве утешения Экклстоун купил у обанкротившейся компании из Биггин-Хилла двенадцать «биглей» и тут же их перепродал.

Доходы так возросли, что торговля мотоциклами перестала быть интересной. В 1959 году он продал «Харкорт» своему более

удачливому сопернику по мотогонкам Роберту Роу. В ходе переговоров Роу даже убедил Экклстоуна подыскать ему спонсора и обеспечить начальный капитал. Став агентом гонщика, Экклстоун предоставил ему пятисоткубовый «нортон» для гонки на острове Мэн, заключил спонсорское соглашение с «Шелл» и даже одолжил Роу гоночный комбинезон. Тот добился определенных успехов, хотя Экклстоун так и не увидел его победу в Брандс-Хэтч, поскольку уехал до окончания гонки, чтобы не промочить под дождем костюм и итальянские туфли.

В том же году Бернард продал фирму «Комптон и Экклстоун» своему первому работодателю Лесу Крокеру. Всего за несколько месяцев тот все развалил. Экклстоун согласился погасить двадцатипятидесятилетний долг Крокера по кредиту в обмен на расписку, дающую ему первоочередное право выкупа всех активов. Через три месяца в компании было введено внешнее управление, а к июню 1961 года Экклстоун понял свою ошибку. Фирма не уплатила налогов на общую сумму в 9,7 тысяч фунтов, и, по закону, этот долг полагалось взыскать до выплаты 25 тысяч Экклстоуну.

Тогда он сменил тактику. По договоренности с Крокером, Экклстоун снова стал собственником компании, освободил внешнего управляющего от его обязанностей и продал шоу-рум своим давним друзьям Виктору Уайту и Гарри О'Коннору. У этой парочки тоже ничего не вышло, но теперь у фирмы появились и другие кредиторы. Экклстоун быстренько продал все машины и здание, положив в карман 6 тысяч фунтов, прежде чем один из крупнейших поставщиков, «Би-эс-эй моторсайклс», инициировал процедуру банкротства «Комптон и Экклстоун». В ходе судебных слушаний он усвоил очередной урок. К неудовольствию внешнего управляющего, Виктор Уайт, одетый в костюм из шерсти викуньи, явился на дневное заседание с опозданием. Причина оказалась уважительной: «В два часа был забег, а я там на одну лошадку поставил, — заявил Уайт, дымя огромной сигарой. — К тому же мне скоро уезжать — не то опоздаю на самолет в Санкт-Мориц». Экклстоун остался один на один с новым управляющим, и тот

попросил его заплатить 9,7 тысяч фунтов долга Управлению налоговых сборов.

— У вас есть что мне предложить, мистер Экклстоун? — спросил управляющий.

— Да. Третью долга.

— Вы не понимаете. Заплатить нужно всю сумму вместе с пенями, то есть еще больше.

Экклстоун в ответ предложил еще меньше.

— Вы, наверное, играете в покер? — спросил управляющий. Экклстоун кивнул. — Что ж, не хотел бы я сесть с вами за один стол.

Экклстоун был доволен, считая, что перехитрил управляющего и долг теперь можно не платить. «Успешный бизнесмен, — успокаивал о себя, — ловит удачу за хвост и не разбрасывается возможностями».

Его растущая уверенность выразилась в смене портного. Раньше костюмы Экклстоуну шил Рег Кокс, брат его школьного приятеля. Теперь же он одевался у Эдварда Сакстона на Сэвил-Роу, а рубашки шил на заказ у Фрэнка Фостера. Одетый с иголочки, по субботам он обычно вез Айви ужинать в какой-нибудь отель на Парк-Лейн, после чего отправлялся в «Крокфордс», где играл в шмен-де-фер, причем не только с друзьями-соперниками по бизнесу, но и с Отто Премингером, Кабби Брокколи, лордом Бивербруком, а как-то раз даже с самим лордом Луканом¹. В «Крокфордс» он к тому моменту прославился следую-

¹ *Отто Премингер* (1905–1986) — австрийский кинорежиссер, актер и продюсер. В 1935 году эмигрировал в США. *Альберт «Кабби» Брокколи* (1909–1996) — известный американский кинопродюсер, лауреат премии «Оскар». *Уильям Максвелл Эйткен, 1-й барон Бивербрук* (1879–1964) — английский и канадский политический деятель, в разное время занимал несколько различных министерских постов в правительстве Великобритании. *Лорд Лукан* — Ричард Джон Бингхэм, седьмой граф Лукан (р. 1934) — британский аристократ, прославившийся своим таинственным исчезновением в ноябре 1974 года, сразу после убийства няни его детей Сандры Риветт. Впоследствии Лукан был заочно признан судом виновным в убийстве, а в 1999 году официально объявлен мертвым.

щим эпизодом: заметив однажды на стене двух мух, Экклстоун держал пари на то, какая быстрее доползет до потолка.

Бывало, к воскресному утру проигрыш достигал 10 тысяч — тогда он сам садился метать банк, так что мог проиграть в два раза больше, но мог, при случае, удвоить ставки и остаться в выигрыше. «Если ты за столом самый богатый, — говаривал он, — то не проиграешь; а если не можешь себе позволить проиграть, то нечего и за стол садиться».

Остроумный, бойкий на язык игрок очаровал гостей «Крокфордс», в том числе Ив Тейлор — агента и менеджера многих звезд шоу-бизнеса. Тейлор рекомендовала клиентам — пионерам «разгульных шестидесятых» — своего нового друга Бернарда, у которого можно купить машину по хорошей цене. В шоу-рум Спенсера в Бекслихите заглядывали Лулу, Сэнди Шоу, композитор Джон Барри, а также Твигги с бойфрендом Джастином Де Вильневом и большим афганом. Твигги уехала от Экклстоуна на светло-зеленом «ламборгини».

Главной звездой Ив Тейлор был Адам Фэйт, прославившийся в 1959 году песней «What do you want, if you don't want money?». Поп-идол выехал из шоу-рума на бледно-голубом «роллс-ройсе».

Благодаря этим клиентам Экклстоун окупился в мир молодой богемы. Они часто встречались в Найтсбридже, в новом итальянском ресторане «Сан-Лоренцо». Его радушные хозяйка Мара и Лоренцо наряду с Экклстоуном принимали у себя принцессу Маргарет с Тони Сноудоном¹, а также целое созвездие прославленных киноактеров, музыкантов и писателей. Экклстоун сменил прическу: он больше не зачесывал напوماженные волосы назад, а вместо этого носил длинные патлы, прикрывавшие лоб и уши, — как у ребят из молодой поп-группы «Битлз» (они, кстати, тоже заглядывали в «Сан-Лоренцо»). По выходным он теперь надевал

¹ *Принцесса Маргарет* (1930–2002) — младшая сестра царствующей королевы Великобритании Елизаветы II. *Тони Сноудон* (р. 1930) — известный английский фотограф, прославился портретами членов королевской семьи. С 1960 по 1978 год — муж принцессы Маргарет.

белую рубашку, темные брюки и мокасины. В отличие от коллег-автодилеров, которых везде прозвали «смеющиеся мальчики», Экклстоун, с его сухой, энергичной манерой разговора и грубоватыми шутками, пользовался у завсегдатаев популярностью.

Успех в обществе подпитывал его любовь к азартным играм, и теперь Бернард просиживал в «Крокфордс» до утра еще и по четвергам — но уже без жены. Игра превратилась в страсть, хотя собственный дом и бизнес он ни за что на кон не поставил бы. В пятницу Экклстоун всегда появлялся на рабочем месте ровно в девять утра, и Энн Джонс легко определяла, везло ли ему в казино. Если босс был напряжен, то Джонс понимала, что к полудню из клуба сообщат сумму ночного проигрыша. Выписывая чеки, которых хватило бы на покупку большого дома, она слышала, как внизу Экклстоун ожесточенно торгуется с клиентом за пятерку. Заканчивались такие споры его коронным: «Бросим монетку». Потом, поднявшись по винтовой лестнице, он просил Джонс оформить бумаги и добавлял шепотом: «Ладно деньги — тут дело принципа».

Далее, чтобы избежать очередного скандала, он покупал Айви что-то из мехов, украшений или новый парик. В итоге Экклстоун покрыл все проигрыши в «Крокфордс» серией сделок с заброшенными земельными участками в Гринвиче, а также покупкой «Дженнингс» — разорившегося магазина на Бекслихит-хай-стрит. Здание «Дженнингс» он разделил на небольшие помещения и выгодно распродал их по отдельности.

Экклстоун всегда вел дела одинаково. Едва купив «Струд мотор компани» — крупнейшего продавца «лейландов» в графстве Кент, он сразу прибыл туда с инспекцией. Никто не работал, часть сотрудников играла в дартс. «Этих уволить», — распорядился Бернард. Он урезал расходы, отремонтировал здание и в течение года удачно продал компанию.

Не испытывая недостатка в деньгах, Экклстоун полетел с Адамом Фэйтом в Монте-Карло.

— Я встретил того чудака, что продал мне «роллс». Можно я его приведу? — спросил Фэйт у Джона Блума — человека, который

первым в Англии стал продавать дешевые стиральные машины для среднего класса. Шел 1962 год, и Блум, став миллионером, наслаждался жизнью на своей яхте «Эрианн-3». Экклстоун прибыл без Айви, провел все выходные за шмен-де-фер в казино вместе с актером Максом Байгрейвсом и проигрался.

С мужчинами он легко завязывал прочные взаимоотношения, выливавшиеся позднее в деловое сотрудничество. Вернувшись в Англию, он попробовал купить для Фэйта катер, однако цена оказалась слишком высока. Сделка не состоялась.

Экклстоун не разграничивал бизнес и дружбу. Как-то раз в Суррее он зашел в шоу-рум «Альфа-ромео», принадлежащий бывшему гонщику Рою Сальвадори, и спросил, можно ли купить выставленные машины.

— Да, — сказал хозяин.

— Даю тебе пятьдесят две тысячи за все сразу. — Не ожидавший такого Сальвадори забеспокоился, а Экклстоун требовал ответа немедленно. — Выписать чек? — спросил он.

Рой едва было не согласился, но вдруг вспомнил о манере своего гостя вести дела. Тот, очевидно, прикинул цену заранее и теперь назвал внушительную на вид сумму, которая тем не менее обеспечила бы ему солидную прибыль. Сальвадори отказался, а после ухода покупателя скрупулезно подсчитал реальную стоимость всех машин в своем зале. Экклстоун заработал бы целое состояние.

В 1965 году Экклстоун возвращался домой, по его собственным словам, с «особой, которую я предпочел бы не называть» (один из друзей уточняет: «С подружкой-индианкой»), как вдруг заметил, что из шоу-рума Спенсера валит дым. Здание сторело вместе с машинами. «Пожарные уже приехали и вызвали пожарного инспектора», — вспоминает Экклстоун.

Дальнейшее вошло в легенды. Недоброжелатели в красках расписывали, как развалины были разобраны уже к восьми утра, а сам Экклстоун устроился с телефонами в подогнанном еще затемно

вагончике и стал продавать машины из новой партии, которую не успели загнать внутрь. Они утверждали, что страховая компания заплатила за восстановление убогой довоенной постройки как за новенький, сверкающий дворец. Критики забыли, что пять лет назад здание перестраивалось.

В действительности же Экклстоун, по словам Энн Джонс и других свидетелей, «потерял дар речи». Пробравшись сквозь дымящиеся развалины, он вскарабкался по металлической лестнице в свой кабинет и увидел там три лужицы цветной пластмассы: желтую, красную и кремовую — все, что осталось от его телефонов. Страховой брокер сообщил, что страховка не покроет стоимости подержанных машин во втором зале, который выгорел дотла из-за неисправности электропроводки. «Страхование — это сплошное надувательство», — заявил Экклстоун Энн Джонс, когда та достала из сейфа не тронутые огнем документы на автомобили.

На первые четыре дня Бернард с подчиненными перебрался в пустующее здание по соседству. Столами и стульями им служили коробки из-под апельсинов. Потом подогнали вагончик, расчистили пожарище, и работа закипела снова. Шоу-рум был воссоздан в прежнем виде, но заняло это несколько месяцев. Вместо старых телефонов установили новейшие аппараты «Тримлайн» с номеронабирателем на трубке. «Если станете ими швыряться, мистер Экклстоун, — предупредил его мастер, — заменить будет нечем. На складе больше нет».

В то Рождество Экклстоун и слышать не хотел ни о каких торжествах. Взбешенный тем, что подчиненные организовали праздничный обед в пабе неподалеку, он ждал их на рабочем месте. «От тебя сейчас никакого толку», — бросил он Джонс, когда та вскарабкалась по лестнице в кабинет. Дай ему волю, он объявил бы Рождество рабочим днем.

Тоскливо было и в очередном свежестроенном доме на Мелкот-роуд — там ждала жена-домохозяйка. Бернард все больше отдалялся от Айви. Она не одобряла его стиль жизни, не разделяла его интересов, постоянно ходила по магазинам и жаловалась на

его бытовой аккуратизм (переходящий, по мнению некоторых, в одержимость), а также на стремление контролировать каждый ее шаг. Экклстоун со своей стороны подозревал, что у жены роман с электриком.

— Та китайка не сводила с меня глаз, — сообщил он Энн Джонс пятничным утром 1967 года.

Накануне вечером в «Крокфордс» был ужин для завсегдатаев казино, и там он познакомился с прелестной уроженкой Сингапура Туаной Тан и ее мужем-американцем. Красавица родилась 7 декабря 1941 года — в день атаки на Перл-Харбор — и выросла в состоятельной семье, так что у ее отца водились деньги на азартные игры. Муж Туаны застрял у столика, где играли в кости, и они с Экклстоуном проводили время за шмен-де-фер. Он выяснил, что Туана приехала в Лондон изучать искусство и что она несчастлива в браке, которому всего год. Одни называли ее «тихой», другие — «смирной».

Туана Тан отлично подходила Экклстоуну. Умная, заботливая, нетребовательная, в сравнении с Айви она выглядела утонченной и не возражала против главной страсти Экклстоуна — делать деньги. Его придирчивость и холодность ее тоже не смущали. Целый год они тайно встречались, пока однажды вечером, вернувшись домой, Бернард не узнал от Айви, что звонил муж Туаны. Они с Айви выяснили, что оба понятия не имеют, где сейчас их супруги. «У Берни роман с Туаной», — сообщил ей американец. Айви потребовала развод, чему Экклстоун был только рад. Вопрос с их двенадцатилетней дочерью Дебби решился быстро — Экклстоун согласился выплачивать большие алименты. Он ушел с одним чемоданом.

Жизнь с Туаной пошла тихо и спокойно. Эта рассудительная женщина оказалась по-восточному внимательной и покорной, с радостью признала главенство мужа, заботилась о нем и о новом доме в Чизлхерсте. Экклстоун, по своему обычаю, полностью его переделал и устроил в саду водопад. Она без всяких возражений готовила еду, гладила одежду, а по утрам даже выдавливала ему

пасту на зубную щетку. «Я как мышка, — с улыбкой признавалась она. — Я делаю все, чтобы он был доволен».

Единственным недостатком Туаны были ее сообщения. Телефон звонил не переставая, и она, часто не понимая, чего хочет собеседник, записывала всякую чепуху. «Вот пустоголовая!» — ругался потом Экклстоун.

В работе он обожал непредсказуемость — дома же, напротив, никогда не отступал от заведенного распорядка. Вечером он первым делом чистил обувь, потом поправлял занавески и все предметы, которые стояли неровно, и только потом садился, зная, что в его мирке все наконец идеально. Даже в самые трудные минуты он никогда не обсуждал со спутницей жизни свои проблемы. Любовь выражалась разве что в подарках, да еще в раздражении, если она дарила что-то в ответ. Он брал на себя роль сильного, однако никогда не проявлял своих чувств — за исключением любви к Дебби, которая часто их навещала и подружилась с Туаной.

Экклстоун вел жизнь, приятную во всех отношениях. Брал из шоу-рума машину — чаще всего «роллс-ройс» — и, хотя видел ненамного дальше капота, мчался вместе с Туаной в «Крокфордс», подрезая всех, кто вызывал его гнев на дороге. Иногда, проведя вечер за просмотром собачьих бегов или хоккейного матча, они отправлялись по шоссе A20 ужинать и смотреть шоу-программу в дорогой ночной клуб «Бивервуд». Там, на втором этаже, было казино букмекера Джонни Хамфриса — делового партнера его близкого друга Тони Морриса. Туана, в отличие от Айви, нравилась его друзьям, которые отмечали, что с ней Экклстоуну комфортно. С мужчинами же он легко находил общий язык. Немецкий гонщик Йохен Риндт, часто бывавший у них дома, не стал исключением.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

